

Психоанализ и группы

Год издания и номер журнала: 2001, №1-2

Автор: Романов И.Ю.

1. Исследование групп: групповое безумие

Групповой анализ - побочное дитя психоанализа, появившееся на свет в результате его брака с социальной психологией, брака, который родственники каждой из сторон считают неравным. Союзу предшествовала довольно долгая история взаимоотношений. Но прежде, чем обратиться к ней, зададимся вопросом о том, что делает актуальным психоаналитическое понимание групп и людей в группах.

Сегодня мы становимся свидетелями событий, меняющих хорошо знакомый нам облик мира, способных на много десятилетий вперед предопределить мировую политику. Террористические акты в Соединенных Штатах Америки, ответная реакция на них, в которой паника сочетается с воинственностью, объединение мирового сообщества в поисках внешнего и внутреннего врага, новое противостояние Севера и Юга - вся эта разворачивающаяся на наших глазах драма как будто призвана обнажить иррациональную изнанку человеческого поведения. Взрывы в США уже сравнивают с выстрелом в Сараево - началом Первой мировой войны. Во всяком случае, похоже, что мы являемся свидетелями начала первой войны нового тысячелетия, первой глобальной войны, отличающейся от всех предыдущих.

Первая мировая война была катастрофой, подорвавшей веру европейского человечества в торжество разума и прогресс социальных отношений. И одним из мыслителей, ответивших на этот вызов, стал Зигмунд Фрейд. В серии своих работ, вышедших после 1914 года [12, 13, 14], основатель психоанализа размышляет о войне и смерти, о силах, ответственных за человеческую деструктивность, и силах, ей противостоящих, о том, что объединяет людей в группы и что заставляет их подчинять себя иногда странным, а иногда вполне разумным групповым нормам. В отношении подобных исследований сразу же и естественным образом возник вопрос о правомерности вторжения психоаналитика в границы других наук, в данном случае - социологии, антропологии, теории культуры. Но ведь вопрос можно поставить и иначе. Может ли психоаналитик *не говорить* о современных событиях? Может ли он, обладая неким знанием о бессознательной природе человека, молчать о том, что касается всех и каждого? С другой же стороны, Фрейд отмечал, что психика человека изначально социальна, и потому изучать ее в отрыве от социальных отношений, в которые человек включен и которые его определяют, попросту невозможно. "В психической жизни человека всегда присутствует "другой". Он, как правило, является образцом, объектом, помощником или противником, и поэтому психология личности с самого начала является одновременно также и психологией социальной в этом расширенном, но вполне обоснованном смысле" [13, с.422].

Так, в ответ на вызовы времени, была намечена первая линия взаимодействия психоанализа и социальной психологии - психоаналитическое исследование групповых процессов. Важнейшим вкладом Фрейда в эту работу было открытие либидинозных и деструктивных компонентов социальных отношений. Люди объединяются на основе создания общего Я-идеала, воплощенного в лидере группы, заключает он в работе "Психология масс и анализ человеческого Я" (1921). Этот процесс приводит к взаимной идентификации и интроекции людей в группах, к формированию того, что было названо "**либидинозной конституцией массы**" [13, с.458]. В последующих работах Фрейд уделяет большее внимание "**агрессивному компоненту человеческих влечений**", инстинкту смерти, борьбе с которым во многом подчинено как объединение людей в группы, так и развитие человеческой культуры в целом. Последний абзац работы "Недовольство культурой" (1929-1930) начинается следующими словами: "Роковым для рода человеческого мне кажется вопрос: удастся ли - и в какой мере - обуздать на пути культуры влечение к агрессии и самоуничтожению. Наше время представляет в связи с этим особый интерес. Ныне люди настолько далеко дошли в своем господстве над силами природы, что с их помощью легко могут истребить друг друга вплоть до последнего человека. Они знают это, отсюда немалая доля их теперешнего беспокойства, их несчастья, их тревоги" [12, с.134].

Итак, образование групп, по Фрейду, преследует две цели: борьбу с силами природы (в том числе - бессознательной природы самого человека) и связывание человеческой деструктивности. Так, например, наиболее распространенным защитным маневром группы является направление всей агрессии вовне, на другую группу, одновременно с идеализацией самой себя. Этот процесс ответственен за многие проявления национализма, в частности, те, что Фрейд обозначил как "нарциссизм малых различий": преувеличение различий между этнически и культурно близкими группами, с проекцией всех недостатков на соседнюю группу. ¹

Следует отметить, что хотя толчком к подобным наблюдениям Фрейда послужили события того времени, он лишь в очень незначительной степени применял свои идеи для анализа реальных социальных процессов. Ситуация изменилась накануне и после Второй мировой войны, когда многие психоаналитики обратились к непосредственному изучению групп и работе с ними. Появились такие работы, как "Война, садизм и пацифизм" (1933, 1947) Э. Гловера, "Психоанализ войны" (1966) Ф. Форнари и др. Немалая заслуга в этом обращении принадлежала британской школе объектных отношений М. Кляйн, в рамках которой впервые были предприняты исследования *внутренних отношений*, пронизывающих психическую жизнь человека. ² С момента появления этих исследований фактически была реализована идея Г. Маркузе о том, что психоаналитическое понимание человека "*в себе*" является социальной психологией, а значит не нуждается в дополнении какими-либо вне-аналитическими теориями социальных процессов [5, с.6, с.51]. Так, один из последователей Кляйн У. Бюн применил теорию объектных отношений для непосредственного изучения групповых процессов (см. [16], а также статьи Л.

Гринберга с соавторами, В. Дидерхс-Пешке и Ю. ван Вик, представленные в данном выпуске журнала). С его точки зрения, по функциям, которые они выполняют, группы могут подразделяться на "**рабочие группы**" и "**группы базового допущения**" (что приблизительно соответствует двум функциям группы, выделенным Фрейдом). Рабочая группа ориентирована на восприятие реальности, способна вести диалог, терпеть фрустрации и решать проблемы, стоящие перед группой в целом и каждым участником в отдельности. В противоположность этому, усилия группы базового допущения направлены прежде всего на защиту от примитивных эмоциональных переживаний, имеющих по сути *психотическую* природу. Открытие того, что индивид может испытывает в группе состояния, близкие психотическим, стало одной из главных заслуг Биона. Участник группы в определенных ситуациях легко может почувствовать, что его преследуют или пытаются контролировать, он может отказаться от части своей личности или отрицать какую-либо часть реальности под давлением группы. Многие современные авторы отмечают, что подобные регрессивные формы переживаний нарастают по мере увеличения группы [2; 19]. Бцион обнаружил, что группа предоставляет участникам определенные формы защиты от психотических тревог, названные им "базовыми допущениями". Например, используя базовое допущения **зависимости**, группа возлагает все свои надежды на лидера и остается пассивной. Репертуар поведенческих реакций при этом может быть довольно широк - от демонстративно контрзависимого поведения до агрессивных нападков на лидера, якобы не выполняющего возложенную на него миссию. Однако все они подчиняются неявной зависимой установке, ограничивающей возможности групповых решений. Таким образом базовые допущения являются довольно примитивными способами обращения с эмоциональным опытом, они укоренены в тревогах, фантазиях и отношениях психотической природы.

У. Бцион применил к пониманию групп открытия, сделанные М. Кляйн при анализе психотических состояний. По его мнению, группа (и индивид в группе) курсирует между **параноидно-шизоидной** и **депрессивной** позициями. Находясь на одном полюсе, группа использует механизмы расщепления, проекции и проективной идентификации, что приводит к искажению внешней реальности и обеднению внутренней. В этом состоянии группа может объединиться только при наличии общего врага, она неспособна к решению внутригрупповых конфликтов, чреватых расколом и неконтролируемой агрессией. На другом полюсе, в депрессивной позиции, группа способна выдерживать амбивалентность отношений, а значит ее члены становятся более целостными и индивидуализированными. М. Кляйн открыла, что это состояние связано с переживанием субъектом чувства вины за свою агрессию, за реальный или воображаемый ущерб, нанесенный другому. Она же показала, каким хрупким может быть достижение депрессивной позиции, как легко индивид может вновь соскользнуть к расщеплениям и проекциям параноидно-шизоидной позиции, защищаясь от чувства вины (а в конечном итоге, от признания собственной деструктивности).

В работе Ф. Форнари [17], появившейся в разгар холодной войны и ядерного противостояния, эти идеи получили новое развитие. Война начинается как преодоление вины за предыдущую войну, отмечал он, как параноидная попытка справиться с прошлыми травмами и потерями. Форнари вводит понятие "**параноидной проработки траура**", призванное объяснить, как чувство вины и скорбь трансформируются в бессознательное убеждение "виноваты другие", в поиск этих других и разворачивание защитных/карательных мер.

Думается, эти исследования 35-летней давности вполне актуальны для современного российского читателя. В последние два-три года мы стали свидетелями того, как интенсивно нарастало в российском общественном сознании стремление забыть о травмах и преступлениях прошлого. И в этом смысле принятие нового-старого гимна, война в Чечне, нарастание противостояния с Западом - события одного ряда. "Никто не виноват в событиях прошлого, в репрессиях и ГУЛАГе. Этого как будто не было. Мы снова можем объединиться, забыть о плохом и полюбить себя" - такое суждение конечно лучше "охоты на ведьм" (параноидной проекции), но по сути дела выполняет ту же защитную функцию (отрицание). И потому нас не должно удивлять, что оно так легко соединяется с поиском нового врага: за океаном и в своей стране, в горах и под водой, похожего на нас и все же другого.

Психоанализ снова возвращает нас к современным событиям. Может ли психодинамическая теория групповых процессов подсказать что-то важное для понимания ситуации сегодняшнего мира? Вряд ли целесообразно экстраполировать на общество в целом открытия, сделанные в ходе исследования индивидуальной психики и весьма специфичных (лечебных или учебных) малых групп. Однако некоторые идеи, выработанные в "психоаналитической лаборатории", на наш взгляд, могут дать хороший стимул для дальнейших размышлений.

В результате процесса, называемого сегодня "глобализацией", современный мир превращается в подобие большой, очень большой, глобальной группы. Группа эта объединена многочисленными информационными, эмоциональными, экономическими связями, но несмотря на это чрезвычайно раздроблена. И как во всякой большой группе, в ней актуализируются весьма примитивные формы переживаний. Колоссальное неравенство запускает в действие интенсивные чувства зависти и ненависти. А. Блок писал о русских террористах начала века: "Как человек я содрогнусь при известии об убийстве... И однако так *сильно озлобление* (коллективное) и так чудовищно неравенство положений - что я действительно не осужу террор *сейчас*" (цит. по [8, с.11], выделено в тексте. - И.Р.). Насилие и агрессия произрастают из ощущения беспомощности, и как будто оправдываются им (как часто повторяют, "терроризм - это оружие слабых"). С другой стороны, сильные могут спастись от чувства вины в фантазиях о собственном всемогуществе или параноидных проекциях. Так рождаются представления об "странах изгоях", "преступных режимах" и прочих

"козлах отпущения". На этой основе происходит объединение подгрупп, в основе которого лежит более глубокое, глобальное расщепление.

Примитивные фантазии и защитные стратегии усиливаются с помощью неимоверно возросшей технической мощи человечества. Как писал Э. Гловер: "Первым делом атомный век обещает нам то, что он превратит наши ночные кошмары в явь. С таким трудом приобретенная нормальным человеком способность различать между сном, галлюцинацией, иллюзией и объективной реальностью бодрствования впервые за всю историю серьезнейшим образом подрывается" (цит. по [9, с.140]).

Во время недавней катастрофы в Соединенных Штатах мы видели, как легко обычные и привычные вещи превращаются в оружие, разрушающее изнутри. Другим характерным примером является воздействие масс-медиа: с одной стороны, они создают в нас ощущение принадлежности к глобальной группе, с другой, открывают простор для намеренной или произвольной манипуляции нашим сознанием. Мы легко начинаем верить в то, что нам показывают по телевизору, и так же легко отказываемся верить в то, что нечто происходит на самом деле. Все зависит от того, как показывают или как мы на это смотрим. Атомный взрыв может показаться красивым зрелищем, справедливым возмездием, незначительной военной операцией. Масс-медиа может превратить наших врагов в нелюдей, а наши преступления в акты самопожертвования.

Группы часто ведут себя так, что, если бы они были индивидами, мы сказали бы, что они безумны. И чем больше группа, тем чаще у наблюдателя возникает подобное ощущение. Вопрос, напрашивающийся сам собой, способны ли мы что-либо изменить в подобной ситуации? Это тот самый вопрос, на который отказывался отвечать Фрейд, ибо, по его словам, "кто располагает таким авторитетом, чтобы принудить массу лечиться?" [12, с.133]. Нам остается полагаться на социальный прогресс, развитие самой группы. И здесь открывается новая тема: здорового, творческого потенциала групповых процессов, разума группы, способного противостоять ее безумию.

2. Работа с группами: групповой разум

Попытки применить принципы психоанализа к ситуации групповой психотерапии начались вскоре после широкого распространения психоаналитического подхода. Пионерские разработки в этой области принадлежали Т. Бэрроу, Л. Уэндеру, П. Шильдеру и ряду других аналитиков. Все эти авторы пытались использовать понятия психоанализа для описания поведения человека в группе и наряду с этим прилагали усилия для адаптации психоаналитических методов лечения к групповой ситуации. Несмотря на то, что все они отмечали специфичность поведения пациента в группе, их подходы оставались по сути "**психоанализом в группе**". Дальнейшее развитие эта тенденция получила в работах таких психоаналитиков, как С. Славсон и А. Уолф (см., в частности [10]). Работающие с группами аналитики отмечали, что групповая ситуация стимулирует проявление одних бессознательных процессов

и тормозит другие. В этой связи многие из них рекомендовали сочетание групповой и индивидуальной психоаналитической терапии. Наряду с этим все большее внимание исследователей привлекали специфические терапевтические факторы группового процесса, такие как групповая поддержка, взаимные идентификации участников группы, проверка реальности в группе и т.д. В частности, А. Уолф экспериментировал с так называемыми "альтернативными сеансами" - сеансами без ведущего, на которых участники могли позволить себе большую степень самораскрытия, а группа - взять на себя некоторые функции психотерапевта.

В дальнейшем развитии психоаналитической групповой терапии сыграли свою роль несколько факторов. Во-первых, начиная с 30-х годов, стали возникать многочисленные направления групповой психотерапии и тренинга: психодрама и социодрама Я. Морено (который ввел в оборот сам термин "групповая психотерапия"), Т-группы, группы встреч и многие другие. [7; 15]. В этих подходах специфические факторы группового процесса чаще использовались в терапевтических или обучающих целях, чем объяснялись. Тем не менее, со временем стали появляться теоретические исследования групп весьма далекие от психоанализа, в частности, исследования групповой динамики К. Левина. Это стало вторым фактором, который стимулировал внимание психоаналитиков к групповым процессам. И наконец третьим фактором стало появление собственно психоаналитических теорий групп, таких, как, например, упомянутая нами выше концепция У. Биона.

Хотя психоаналитическое понимание позволяло различать нормальные и патологические процессы в группах и анализировать их причины, оно не всегда могло подсказать подходящий путь для их изменения. Иначе говоря, до поры до времени психоаналитические опыты оставались **психоанализом группы**, не становясь групповой терапией. Группа рассматривалась как целое, объединенное едиными чувствами и фантазиями, и подобно индивиду развивающее процессы переноса и сопротивления. Подобный взгляд помогал психоаналитикам выработать собственную, независимую от других подходов, теорию групповых процессов. Но он оставлял в стороне вопрос об особых терапевтических факторах этого процесса. Так, У. Бидон высказывал сомнения в терапевтической эффективности предложенного им метода психоанализа группы, как и вообще в применимости психоаналитических процедур в групповой терапии. Его сомнения разделяются многими психоаналитиками и сегодня. Действительно, если, например, мы считаем одним из центральных психоаналитических методов анализ переноса, то насколько возможным будет его применение в группе из 7 человек, где количество переносов будет достигать 56 (при одном ведущем и без учета переносов участников на группу как целое)?

Разрешение этого парадокса было предложено З. Фулкесом (или Фуксом - в английской транскрипции его имени). Именно Фулкесу принадлежит приоритет в открытии метода группового анализа (групп-анализа), понимаемого как анализ группы и ее отдельных участников **посредством самой группы**. В своих

работах, появлявшихся начиная с 40-х годов, он обращал особое внимание на присущую группе способность понимания, проработки и разрешения конфликтов. Фулкес был немецким психоаналитиком, эмигрировавшим в Великобританию, где в годы Второй мировой войны он и начал свою работу с группами.³⁾ Основатель группового анализа находился под непосредственным влиянием неомарксистских идей Франкфуртского института социальных исследований (М. Хоркхаймера, Т. Адорно, Г. Маркузе и др.). Подобно марксистам Фулкес понимал человека как изначально социальное существо, "ансамбль общественных отношений", а человеческие проблемы рассматривал в свете нарушений этой социальности. (Так, например, Фулкес ввел понятие "аутистической природы симптома", объясняющее, в частности, почему открытое групповое обсуждение психологических проблем зачастую приводит к снижению их интенсивности или даже исчезновению.) Отличия же заключались в том, что под формирующими человека социальными отношениями он подразумевал прежде всего семейную матрицу, а пути изменения видел не в социальной революции, а в групповой терапии.

Мы не будем детально останавливаться на выделенных Фулкесом факторах эффективности групповой терапии, на его описании групповых феноменов, определении групповой матрицы и модификациях психотерапевтической техники. Эта работа проделана в других статьях данного выпуска и работах, указанных в библиографии [6; 18; 20]. Отметим только, что, в понимании Фулкеса, участники группы отзываются на проекции друг друга, и таким образом в групповом процессе происходит спонтанное **разыгрывание** внутренние драмы индивида. Задача ведущего в этой ситуации заключается в организации и поддержании "свободной дискуссии" (групповой аналог метода свободных ассоциаций), в "наведении мостов" между участниками с учетом их индивидуальной динамики и динамики всей группы. Кроме того, он добавляет в этот процесс измерение понимания, помогая соотнести индивидуальную психологическую динамику с групповой. В целом групповая ситуация с ее множественными переносами, архаичными тревогами, неопределенностью и рискованностью вызывает, с одной стороны, глубокую регрессию участников, а с другой, предоставляет им возможность проработки конфликтов здесь и теперь в условиях групповой поддержки, понимания и оценки реальности.

В этом месте мы позволим себе привести два примера из работы одной тренинговой группы, которые, на наш взгляд, иллюстрируют некоторые из приведенных выше теоретических положений.⁴⁾

Группа из 11 человек работала с двумя ведущими в режиме двух интенсивных семестров в году (по 15 сдвоенных групповых сессий в каждом). Такой "челночный" режим вызывал интенсивные сепарационные тревоги, страх развала группы, чувство вины и скрытую агрессию на ведущих. Агрессия эта как правило отщеплялась и направлялась вовне, т.к. в противном случае она, в фантазиях группы, могла вызвать уход ведущего и распад группы. В результате фигура одного из ведущих активно идеализировалась, а все нападки группы направлялись на организатора обучающего проекта. Приблизительно к 75-й групповой сессии этот процесс стал очевиден и ведущий в нескольких ситуациях проинтерпретировал направленную на него агрессию и упреки в переживаемой группой фрустрации. Результатом стало резкое возрастание в группе параноидной тревоги и страха распада. Одна из участниц, Б., заявила, что чувствует себя то ли

подсудимой, то ли подопытным кроликом, а на следующий день рассказала сон, в котором она находилась в инвалидной коляске, ее телу грозила опасность, а ее мама не могла ей помочь. Попытку группы обсудить этот сон Б. восприняла как критику и осуждение. Другая участница на этой сессии сообщила о фантазии, что со стены за группой наблюдают какие-то глаза, следующая - о том, что лицо, изображенное на фотографии как будто оживает. Некоторые члены группы жаловались на головную боль и нарастающее напряжение. Характерным было и то, что группа расселась так, чтобы не видеть друг друга, все смотрели в разные стороны, опирались на стену и стулья - позы демонстрировали физическую картину распада группы. Тем не менее через некоторое время участники отметили, что напряжение снизилось после группового обсуждения фантазий. На следующей сессии возникло множество воспоминаний о детских прегрешениях, страхе наказания и прощении. В групповых фантазиях глаза, которые убивают, неожиданно оказывались любимыми и любящими глазами. Участники обсуждали проблему обращения на "ты" и на "вы". Несмотря на то, что они стали более открыто говорить о своих претензиях к ведущим и друг другу, тревога снизилась, а групповой опыт стал ощущаться как более глубокий и ценный.

Данный пример в большей степени демонстрирует способы обращения группы с деструктивными импульсами и психотическими тревогами, чем специфические терапевтические факторы группового процесса. Позитивные изменения происходят благодаря использованию ведущим **интерпретации** и **"контейнирующим"** усилиям самой группы. В следующем примере более выпукло представлен эффект "анализа посредством группы".

На 119 сессии, предпоследней в данном семестре, участница группы А. начала рассказывать о своей довольно сложной семейной ситуации. Рассказ выглядел очень запутанным из-за того, что одновременно А. хотела представить свою семейную жизнь как гармоничную и достойную восхищения. Она явно опасалась критики со стороны других членов группы и в то же время бессознательно эту критику провоцировала. Некоторые участники, чувствуя, что их помощь отвергают, стали довольно резко нападать на рассказчицу, другие поддерживали ее "возвышенные" представления о себе. В результате один из ведущих высказал свое непонимание проблемы А., что прозвучало достаточно критично. После его слов А. встала со своего места и покинула группу, однако через несколько минут вернулась. Событие это вызвало серию коротких высказываний участников, выражавших их чувства вины и беспомощности, а также желание каким-либо образом от этих чувств избавиться. Попытка ведущего прояснить ситуацию, сложившуюся между ним, А. и группой, не привела к успеху. В этот момент один из мужчин, В., заявил, что он как раз хорошо понимает чувства А. Он рассказал о своей семейной ситуации, которая в чем-то напоминала ситуацию А. Кроме того, в его рассказе речь шла о невозможности почувствовать себя слабым рядом с другим человеком, о противоречии между желанием получить помощь и поиском признания. Рассказ В. был кратким, выразительным и цельным. Складывалось впечатление, что он достиг важного для себя понимания своей проблемы (которое было тактично дополнено другими участниками группы). Вместе с тем его слова произвели освобождающее действие на А. После них она смогла вполне ясно выразить, чего ей не хватает в семейной жизни, чего она ищет и что боится потерять. А. рассказала несколько историй из своей жизни, которые вызвали в других участниках сочувствие и желание помочь в их понимании.

Данный пример хорошо иллюстрирует положение Фулкеса о том, что ведущий группы сам является элементом ее матрицы и участвует в групповом процессе. Конечно, это не освобождает его от обязательств перед группой, поскольку он не обычный участник. Работа его и сложнее и проще, чем работа индивидуального психотерапевта. Он в большей степени вовлечен в процесс, испытывает большее давление переносных и контрпереносных чувств, однако, в то же самое время, он может полагаться на помощь группы и отдельных ее участников (в данный момент времени или в отношении данного конфликта более "продвинутых" по сравнению с другими). В приведенном выше примере можно увидеть, как в результате процесса, названного Фулкесом **"феноменом зеркала"**, участница смогла преодолеть ригидные защиты и с помощью группы соотнести свою актуальную конфликтную ситуацию с групповой.

Подводя итог, еще раз отметим, что подход Фулкеса отличается от бионовского большим вниманием к специфическим факторам эффективности группового процесса. Его отличает вера в здоровый потенциал группы, в ее способность понимать, прорабатывать и разрешать существующие в ней конфликты. Если Бион обратил наше внимание на психотические, "больные" элементы группового поведения, то Фулкес обнаружил в группе силы, способные с этими больными частями справиться (в частности, одним из первых Фулкес стал применять групповые методы к психотерапии больных шизофренией). Для того, чтобы высвободить эти силы, необходимы особые условия, к которым прежде всего относится свободная, открытая **коммуникация и групповая культура**, помогающая преодолевать препятствия на пути такой коммуникации и трансформировать агрессию в понимание. Конечно, формирование такой культуры - непростая задача. Она требует учета всего комплекса помех этому процессу: примитивных, близких психотическим, отношений, страхов и защит - всего того, что было обнаружено в психоаналитических исследованиях групповых процессов. Однако такой взгляд на групповые процессы может также вселить в нас известную долю оптимизма. Возможно, с его помощью мы лучше сможем замечать, когда что-то идет не туда в группах, к которым мы все принадлежим. Возможно, мы даже сможем что-то с этим сделать - по мере собственных сил, - памятуя о том, что ни одна группа не сильнее самого слабого своего члена.

Примечания

¹См. применение этой идеи Фрейда к анализу этнических конфликтов в бывшей Югославии в статье А. Вучо [1].

²См. об этом в статье Х. Сегал [9], которая помимо исторического обзора содержит анализ военных действий в Персидском заливе с точки зрения кляйнианской теории. Использование идей У. Биона и Ф. Форнари для понимания конфликтов в бывшей Югославии см. в статье П. Фонды [11].

³Основанные Фулкесом Лондонский институт группового анализа и Лондонское общество группового анализа по сей день являются авторитетнейшими проводниками его идей.

⁴Данные примеры публикуются с разрешения упомянутых в них членов группы. Тем не менее ради соблюдения конфиденциальности нами опущены все подробности, могущие привести к узнаванию участников.

Литература

1. Вучо А. По ту сторону бомб и санкций // Как практиковать психоаналитическую терапию в условиях социальной нестабильности: Материалы 8-ой Восточноевропейской психоаналитической конференции ЕПФ. - Харьков, 2000.

2. Кернберг О. Агрессия при расстройствах личности. - М.: Независимая фирма "Класс", 1998.
3. Куттер П. Элементы групповой терапии: Введение в психоаналитическую практику. - СПб., 1998.
4. Малер-Бунгерс А. Групповой анализ в Украине // Психоаналитический журнал Харьковского областного психоаналитического общества. - 2001. - № 2. - С.129-145.
5. Маркузе Г. Эрос и цивилизация: Философское исследование учения Фрейда. - Киев: ИСА, 1995.
6. Натаров В.И. Группо-аналитическая социо- и психотерапия: Метод и основные принципы: Учебно-методическое пособие для ведущего группы. - СПб., 1993.
7. Рудестам К. Групповая психотерапия. - М.: Прогресс, 1990.
8. Савинков Б. Избранное. - М.: Новости, 1990.
9. Сегал Х. Хиросима, Персидский залив и далее: психоаналитическая перспектива // Логос. - 1999. - № 5 (15). - С.134-148.
10. Славсон С.Р. Группа сложных девочек // Знаменитые случаи из практики психоанализа. - Киев, 1995.
11. Фонда П. Обсуждение доклада Александра Вучо "По ту сторону бомб и санкций" // Психоаналитический журнал Харьковского областного психоаналитического общества. - 2001. - № 2. - С.146-160.
12. Фрейд З. Недовольство культурой // Фрейд З. Психоанализ. Религия. Культура. - М.: Ренессанс, 1992.
13. Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого Я // Фрейд З. Психоаналитические этюды. - Минск, 1990.
14. Фрейд З. Размышления о войне и смерти // Бондаренко Л.И., Таглин С.А., Баженов А.В. Психоанализ и культурология: Учебно-методическое пособие. - Харьков, 1991.
15. Ялом И. Теория и практика групповой психотерапии. - СПб., 2000.
16. Bion W.R. Experiences in Groups and Other Papers. London: Tavistock Publications, 1961.
17. Fornari F. Psychoanalysis of War. Blumington, In: University of Indiana Press, 1966.
18. Foulkes S.H. Group-Analytic Psychotherapy. London, 1975.
19. Hinshelwood R.D. Thinking About Institution: Milieus and Madness. London & Philadelphia, Jessica Kingsley Publishers, 2001.
20. The practice of groupanalysis / Ed. by Jeff Roberts and Malkolm Pines. London, 1991.